

Мы повязаны с тобой, безвестность,
Серебристой лентой тополей,
Той землей, что обещает вечность,
И душой страдающей моей.

Мы с тобою неразлучны ныне,
Неразлучны будем полный век,
Потому что мы одной гордыни,
Той, что плакать не велит при всех.

Да еще, что в нас живет незримо
Вся печаль и сила здешних мест,
И любви неразделенной имя,
След разлуки и о встрече весть.

Так и жить нам, как бы ни пытались
Эту связь прочнейшую порвать,
Неизменно снова возвращались
В тихий край, где будем умирать.

Где безбрежнее и ярче лето
И заветней голоса и звук,
Где в забытой тишине рассвета
Будет время ускользать из рук.

* * *

Ну вот Господь и сделал мне подарок:
Сегодня ты приснился, как и все,
И сорок восемь разноцветных марок
Я на конверт наклеила во сне.

Пушкой судьба несет его по свету,
Пушкой читают птицы и цветы
Чужую повесть, грустную, как ветер,
Где все слова бесхитростно-просты.

Пушкой конверт пропахнет теплым летом,
Резной травой и молодым дождем,
И все твердят наперебой об этом,
И станет жарко, точно над огнем.

И, может быть, тебе расскажут вишни,
Заглядывая вечером в окно:
«Ты женщине одной несмелой снишься».
И вряд ли сердцу будет все равно.

* * *

Господи, как же вернуть эти дни!
Медленно-медленно день уплывает,
Снегом январским весь мир укрывает,
Топится печка. Мы в доме одни.

А ожидание льется рекой.
Возле окна мы сидим молчаливо,
Робкое сердце немного пугливо
Сумерек зимних впускает покой.

Пляшут веселые тени от печки.
Воздух за окнами кажется синим.
Как они счастливы вечером зимним,
Господи, эти твои человечки!

* * *

Научите меня рисовать.
Научите — и я нарисую
Тополей изможденную статью,
Монастырь и дорогу сырую.

И себя в полинявшем платке —
Русской бабой на этой картине
И закат... И, как угли, в руке
Опаленные гроздья калины.

Потому ли, что родина это...
Или здесь и впрямь хорошо?
Вдохновенно, победного цвета
Там, над ивами, солнце взошло.

И легко так, и преданно дышится
Влажным травам и робкой реке,
Что невиданной в мире бессмыслицей
Вдруг почувствуешь жизнь вдалеке.

Запах горькой сирени и ладана,
Мокрых листьев и тающий гром,
И я знаю, что больше не надо мне
Возвращаться в остывший ваш дом.

Возвращаться туда — словно в небыль,
Где всегда вспоминали весной
Деревенское вечное небо
И деревья над талой водой.

Но теперь все сбываются сроки.
Снова время мечты и тепла.
Я приду по размытой дороге
К берегам, от которых ушла.

Говорят, нашу церковь откроют,
Да открыли бы только весной,
Чтоб над нею, озябше-сырою,
Раскричались грачи вперевой.

Чтобы талою пахло водою,
У креста, у резного, грустна,
Как-то странно светло и с тоскою
Помолилась крестьянка одна.

Чтобы празднично бабы шумели
И, одеждою новой гордясь,
Натащили бы вербы и ели
И топтали бы первую грязь.

Чтобы я чужестранною гостьей
Постояла в толпе и пошла.
А вверху так призывно и просто
Все звучали бы колокола.